

А.А. Котляревский

**Древности юридического
быта балтийских славян**

Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
А11

А11 **А.А. Котляревский**
Древности юридического быта балтийских славян: Часть 1 / А.А. Котляревский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 174 с.

ISBN 978-5-4241-7768-2

ISBN 978-5-4241-7768-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Оглавление I части.

1. Задача и методъ изслѣдованія. Источники	1— 14
2. Земля и народъ	15— 66
3. Древности права. Право. Обычай. Законъ. По- становленія власти	67— 72
4. Семейный бытъ	73—151
5. Собственность	152—160
6. Договоры	161—166

„moribus et hospitalitate nulla gens honestior aut benignior (Sclauis) poterit inueniri“.. *A d a m u s* *brem.* II, 19.

„pollebant (Rani) multis naturalibus bonis. Erat enim apud eos hospitalitatis plenitudo, et parentum debitum exhibent honorem“.. *Hel m o l d u s* II, 12.

„Illi (Sclau) nichilominus bellum quam pacem elegerunt, omnem miseriam carae libertati postponentes. Est namque huiuscemodi genus hominum durum et laboris patiens, uictu leuissimo assuetum; et quod nostris graui oneri esse solet, Slau pro quadam uoluptate ducunt. Transeunt sane dies plurimi, his (Saxonibus) pro gloria et pro magno latoque imperio, illis pro libertate ac ultima seruitute uarie certantibus“.. *Widukindus* II, 20.

„Fuit Sclauorum genti crudelitas ingenita, saturari nescia, impatiens ocii, uexans regionum adiacentia terra marique“.. *Hel m o l d u s* I, 52.

„Pomerani slau est gens indomita. pugnax et praeda uiuens.. Hic usus et hic uictus et nichil pace molestius. Pyratice apparatu praedas exercent. Occidere ut occidi fortunam credunt“. *Fragment. incerti auctoris.*

Задача и методъ изслѣдованія.

Источники.

Предметъ нашего труда — юридическій бытъ балтійскихъ Славянъ, или вѣрнѣе — древности его.

Балтійскимъ Славянамъ выпала и въ наукѣ недобрая доля: германизация осилила ихъ ранѣе, чѣмъ они успѣли создать и развити самобытную письменность. Какъ славянское племя, они исчезли, не оставивъ по себѣ никакого славянскаго наслѣдья, никакихъ памятниковъ быта¹, кромѣ собственныхъ именъ, безмолвныхъ, загадочныхъ развалинъ своей матерьяльной культуры и безмолвныхъ могилъ съ ихъ загадочными сокровищами. Все, что исторія — а съ ней и наука — знаетъ о погибшемъ племени, объ устройствѣ и порядкахъ его быта — идетъ отъ чуждой руки и чуждаго, исполненнаго вражды и національной ненависти — сердца: нѣмецкихъ и датскихъ анналистовъ, гагіографовъ, слагателей сагъ. Ихъ извѣстія, по большей части глухія, случайныя, передающія только виѣшнее — даютъ лишь слабое понятіе о внутренней жизни этой замѣчательной отрасли славянскаго племени. Еслибы таланту и проницательности изслѣдователя и удалось связать въ одно цѣлое эти отрывочныя свидѣтельства, его картина все таки осталась бы далека отъ полнаго и вѣрнаго дѣйствительности изображенія внутреннаго быта народа, она имѣла бы механическую, искусственную, но не органическую, естественную цѣлость: въ ней недоставало бы многихъ существенныхъ частей, безъ которыхъ невозможно историко-органическое пониманіе предмета.

1. Кромѣ немногихъ остатковъ вымиравшаго языка, случайно подобранныхъ трудолюбивыми Нѣмцами въ 17—18 стол. Подробный библиографическій перечень этихъ сборниковъ читатель найдетъ въ статьѣ Hanusa: „Zur Literatur und Geschichte der slavischen Sprachen in Deutschland, namentlich der Sprache der ehemaligen Elbeslaven oder Polaben“, въ Miklosich's Slavische Bibliothek, II, W., 1858, p. 109—140.

Располагая такимъ скуднымъ наличнымъ матерьяломъ и не уклоняясь отъ требованій исторической истины и достовѣрности, изслѣдователь, на нашъ взглядъ, долженъ опредѣлить свою задачу лишь подборомъ фактовъ и объясненіемъ прямаго и скрытаго значенія и связи ихъ. При внимательномъ изученіи источниковъ — подборъ фактовъ можетъ быть исполненъ безъ особыхъ, чрезвычайныхъ затрудненій, но объясненіе значенія и связи ихъ представляетъ трудности, преодолѣть которыя нельзя съ помощью одной простой, наглядной логики или простаго, разумнаго толкованія, примѣннаго къ данному матерьялу. Послѣдній слишкомъ — глухъ, неточенъ и запутанъ для того, чтобы можно было на основаніи его дѣлать положительные выводы. Его необходимо расширить.

Балтійскіе Славяне—одна изъ вѣтвей сѣверо-западной отрасли славянскаго племени, генетически ближайшіе родственники Поляковъ, Лужичанъ и Чеховъ и болѣе дальніе родичи Славянъ юго-западныхъ и восточныхъ, Хорутанъ, Сербовъ, Болгаръ и Русскихъ. Это заключеніе, достаточно уже оправдываемое языкомъ² и географіею, должно имѣть значеніе и для области нравственнаго и юридическаго быта.

Дѣйствительно, скажемъ напередъ — основы его у балтійскихъ Славянъ и даже нѣкоторыя фазы дальнѣйшаго развитія, имѣя не мало общаго и со Славянами юго-западными и восточными, гораздо ближе подходятъ къ польскимъ, лужицкимъ и чешскимъ. Разница тѣхъ и другихъ заключается только въ степени развитія; но не въ коренныхъ началахъ. Естественна, поэтому, мысль, что темнота и отрывочность въ показаніяхъ источниковъ исторіи балтійскихъ Славянъ во многомъ должны объясниться и восполниться при сравнительномъ сопоставленіи ихъ съ извѣстіями источниковъ польскихъ, лужицкихъ и чешско-моравскихъ—и далѣе прочихъ славянскихъ вообще.

Отсюда, естественно, отсрывается необходимость сравнительнаго изслѣдованія предмета.

Въ примѣненіи къ области права — сравнительный методъ, сколько намъ извѣстно, стоитъ еще на весьма шаткихъ основаніяхъ: ему недостаетъ, какъ кажется, яснаго, опредѣленнаго понятія о цѣли, къ которой онъ долженъ стремиться, и правильно опредѣленныхъ приемовъ; онъ идетъ какъ-бы наугадъ, нетвердою дорогою, а потому и достигаетъ только нетвердыхъ результатовъ

2. Schleicher: Laut- und Formenlere der polabischen Sprache, Spb. 1871, pag. 17; Бодуэнъ де-Куртене: О древне-польскомъ языкѣ до XIV ст., Лейп. 1870.

и случайныхъ успѣховъ. Положеніе — подобное тому, въ какомъ находилось сравнительное языкознаніе въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія..

Мы находимъ неумѣстнымъ распространяться здѣсь объ общихъ началахъ сравнительной юридической методологіи, но при такомъ состояніи вопроса, во избѣжаніе неточности и недоразумѣній, считаемъ не лишнимъ напередъ обозначить приемы, цѣль и границы нашихъ сравнительныхъ изслѣдованій и сопоставленій.

Имѣя въ виду частную задачу, разъясненіе юридическихъ древностей балтійскихъ Славянъ, мы прежде всего собираемъ или сводимъ въ одно всё относящіяся сюда показанія источниковъ и предлагаемъ первое объясненіе ихъ по законамъ т. н. з.в. н. и с. п. критики, обращающей вниманіе только на грамматическій и вещественный смыслъ текстовъ. Затѣмъ, мы обращаемся къ однороднымъ явленіямъ юридической жизни другихъ Славянъ, поляковъ, чеховъ, лужичанъ и — въ случаѣ надобности — Хорутанъ, Сербовъ, и Русскихъ, стараясь при этой помощи разъяснить то, что въ нашихъ источникахъ представляется темнымъ, недосказаннымъ или противорѣчивымъ, что требуетъ подтвержденій или дополненій. Богатый юридическій матеріалъ родственныхъ племенъ даетъ возможность пояснить, провѣрить и т. н. з. в. очистить то, что уже прежде добыто нисшею критикой. Послѣ этого, какъ выводъ изъ предыдущаго — мы позволяемъ себѣ и нѣкоторыя общія заключенія объ историческомъ и культурномъ значеніи разсматриваемыхъ явленій, т. е. т. н. з. в. высшую критику ихъ..

Такимъ образомъ, сравнительный приемъ изслѣдованія послужитъ для насъ объяснительнымъ средствомъ единственно по отношенію къ юридическимъ древностямъ балтійскихъ Славянъ. Послѣднія образуютъ не только средоточіе, но и границы нашихъ разысканій; потому мы оставляемъ вовсе нетронутыми тѣ явленія юридическаго быта прочихъ Славянъ, о которыхъ нѣтъ воспоминаній или замѣтокъ въ источникахъ Славянъ балтійскихъ, и существованіе которыхъ у нихъ не представляется неизбѣжно необходимымъ. Равнымъ образомъ, и весь однородный славянскій матеріалъ разсматривается нами только въ той мѣрѣ, въ какой онъ — прямо или косвенно — можетъ послужить къ уясненію юридическихъ древностей Славянъ балтійскихъ.

Сознаемся, что не безъ раздумья и колебаній мы рѣшили на подобное ограниченіе круга изслѣдованій. Мы понимаемъ хорошо всю важность и завлекательность всесторонняго сравненія фактовъ юридическаго быта всѣхъ славянскихъ племенъ, но намъ базалось,

что для такой работы еще не наступил урочный часъ, еще не готовы должны матерьялы. Вотъ почему, желая разрѣшить частную задачу, мы сочли благоразумнымъ воздержаться отъ широкаго пути сравненій и предпочли дорогу узкую, открывающую гораздо менѣе заманчиваго разнообразія и интереса, но за то гораздо болѣе прочную и надежную.

Считаемъ необходимымъ опредѣлить и основную мысль нашего труда.

Право есть такой же историческій намятникъ, какъ и всякое другое проявленіе народной жизни и образованности, какъ языкъ, религія, поэзія, литература, нравы и обычаи. Потому, точка зрѣнія на явленія юридическаго быта и оцѣнка ихъ могутъ и должны быть опредѣляемы общими требованіями и задачами исторіи культуры. Не думая отрицать пользы и значенія догматическихъ изслѣдованій въ области права, мы находимъ, однако, что такое существенно-важное свидѣтельство исторіи прежде всего требуетъ и разсмотрѣнія историческаго, прежде всего должно послужить цѣлямъ науки исторіи. На этомъ основаніи — не юридическіе институты сами по себѣ, не систематическая догматика ихъ, а жизнь народа, въ нихъ открывающаяся, его внутренняя исторія и образованность — составляютъ главный предметъ нашего вниманія и поисковъ. Мы стремились обработать тѣсныя участки славянскаго юридическаго поля въ томъ смыслѣ, въ какомъ — *si liceat parva componere magnis* — гениальный Яковъ Гриммъ создалъ свое зданіе нѣмецкой юридической древности³.

Въ наукѣ „Древностей“ книга Гримма представляетъ не только доселѣ никѣмъ не превзойденный образецъ антикварно-юридическаго труда, но и превосходную трезвую школу, пройти которую полезно каждому, предающемуся однороднымъ изслѣдованіямъ. Она равномерно освобождаетъ и отъ фантастическихъ увлеченій и отъ узкой исключительности воззрѣній, мѣряющихъ явленія юридическаго быта средневѣковыхъ народовъ мѣрою и догматикой римскаго права, и пренебрегающихъ культурно-исторической стороною правныхъ обычаевъ и учрежденій. Пуритане-юристы нерѣдко упрекали нѣмецкаго ученаго въ излишествахъ, въ недостаткѣ системы, въ слабой оцѣнкѣ юридическихъ институтовъ. Такого упрека не сдѣлаетъ ему историкъ культуры, правильно понимающій требованія своей науки; напротивъ, онъ съ признательностью отнесется къ живому чувству исторической истины, которое вынесло Гримма изъ тѣсныхъ границъ школьной доктрины, и тѣмъ

3. J. Grimm: Deutsche Rechtsalterthümer, Gött. 1828.

дало средства представить жизнь въ томъ широкомъ просторѣ, въ какомъ она шла и совершалась въ самой дѣйствительности.

Гриммовы „Нѣмецкія юридическія Древности“ есть изображеніе древне-нѣмецкой правовой жизни и культуры на основаніи всѣхъ извѣстныхъ ему памятниковъ, какъ собственно юридическихъ, такъ и не юридическихъ: языка, поэзіи, литературы, историческихъ свидѣтельствъ, памятниковъ быта и пр. Такаго богатства средствъ — мы не имѣемъ, какъ не имѣемъ и богатствъ таланта гениальнаго ученаго; но преслѣдуя въ маломъ объемѣ ту же цѣль въ отношеніи балтійскихъ Славянъ, мы не задумывались пуститься въ путь за столь надежнымъ вождемъ, и сочтемъ свою задачу — выполненною, если, послѣ нашихъ усилій, прояснятся хотя нѣкоторыя стороны еще столь темной — славянской балтійской древности.

Культурно-историческая задача нашего труда дѣлаетъ необходимымъ два дальнѣйшія объясненія. Одно касается различія границы между явленіями и фактами юридическими и нравственными; другое — вопроса о самостоятельности и заимствованіи извнѣ правовыхъ обычаевъ и порядковъ.

Для строгаго юриста явленія нравственной жизни и явленія жизни юридической — предметы совершенно различныя: первыя, какъ не основанныя на правовой идеѣ, какъ зависящія отъ движеній чувства или прихотливой воли, какъ, поэтому, непрочныя и измѣнчивыя — онъ вовсе исключаетъ изъ круга своего вѣдѣнія. Для его цѣлей имѣетъ значеніе только то, что признано правнымъ сознаніемъ за законъ, правду, за должное правило и порядокъ жизни, а равнымъ образомъ — за отступленія и нарушенія ихъ. Такаго ограниченія едва-ли можетъ держаться историкъ культуры, изслѣдующій область правовыхъ явленій; потому что такаго разграниченія явленій не знаетъ самая жизнь, особенно — въ эпохи болѣе далекія, предшествующія положительному кодифицированному законодательству. Изъ чегоже образуется законъ и правило, какъ не изъ суммы нравственныхъ началъ и дѣйствій, сознаний и возведенныхъ въ идею т. е. признанныхъ за обязательную для каждаго правду и истину? Безъ нравственныхъ основаній, безъ цѣлаго долгаго ряда предшествующихъ нравственныхъ поступковъ — не возможно и даже не мыслимо — никакое право, никакое правовое дѣйствіе. Источникъ нравственныхъ явленій и явленій юридическихъ одинъ и тотъ-же; разница ихъ заключается въ степени возраста или развитія: первыя содержатъ въ себѣ зародыши права и имѣютъ т. е. молчаливое признаніе, вторыя выражаютъ дѣйствіе гласно признаннаго и утвержденнаго права, потому и обнаруживаютъ болѣе прочное и постоянное вліяніе. Конечно, не всѣ

явленія нравственной жизни имѣють способность получить въ дальнѣйшемъ правную силу и дѣйствіе; нѣкоторыя изъ нихъ навсегда остаются только въ нравственной сферѣ, но другія — и такихъ не мало — при дальнѣйшемъ движеніи исторіи, вырастають и слагаются въ настоящее право. Далѣе, хотя право является вообще могучимъ двигателемъ жизни въ ея усовершенствованіяхъ, но какъ начало твердо установленное, постоянное, охраняющее, оно, по своей природѣ, консервативно и очень часто остается позади успѣховъ жизни. Образъ послѣдней, представленный на основаніи однихъ памятниковъ права, бываетъ, поэтому, нерѣдко образомъ идеальнымъ — запоздалымъ, стоящимъ не въ уровень съ движеніемъ жизни. Устранить этотъ порокъ можно только тогда, когда мы обратимъ должное вниманіе на сферу явленій нравственныхъ, столь тѣсно связанныхъ съ наличною жизнью и столь рѣдко расходящихся съ нею.

Отсюда видно, что историкъ культуры лишилъ бы себя существеннаго и законнаго пособия, еслибы, при разсмотрѣніи юридическаго быта, совершенно оставилъ безъ вниманія тѣ назв. нравственныя явленія. Его изображеніе вышло бы одностороннею и запоздалою картиною народной жизни.

Нѣтъ нужды распространяться о томъ, какъ важно и необходимо должно быть для насъ — точное опредѣленіе степени самобытности правовыхъ учреждений и порядковъ.. Къ сожалѣнію, историко-юридическая наука въ этомъ отношеніи владѣетъ еще весьма недостаточными средствами. Исследователи различаютъ самобытно и извнѣ принесенное, слѣдуя болѣе признакамъ вѣроятія или голосу предвзятыхъ мнѣній, чѣмъ строгого, основаннаго на разборѣ дѣла — убѣжденія.. Исходя отъ мысли, что какъ самостоятельное начало, такъ и заимствованія равно бываютъ присущи и необходимы въ жизни каждаго народа, но не желая преждевременно и легко рѣшать столь важные вопросы, мы ограничились указаніемъ нѣкоторыхъ данныхъ для такого рѣшенія и догадками изъ нихъ вытекающими. При этомъ, кромѣ прочихъ историческихъ изображеній, мы руководились тѣмъ, кажется несомнѣннымъ, правиломъ, что область семейнаго частнаго быта, гдѣ дѣйствуетъ и долго держится народное обычное право, гораздо менѣе открыта для стороннихъ вліяній и менѣе способна къ воспріятію ихъ, чѣмъ область общественныхъ отношеній и порядковъ, гдѣ властвуетъ воля единичныхъ лицъ, творящая нерѣдко законы по своему усмотрѣнію.

Право есть столько же двигатель, сколько и результатъ исторіи народа, тѣхъ естественныхъ условій, среди которыхъ живетъ и дѣйствуетъ онъ, и вообще — его матерьяльной и нравственной

культуры. Эта старая, неоспоримая истина побудила нас дать мѣсто вступительному обзорѣню природы края, образа жизни и занятій народа, о которомъ идетъ рѣчь, основныхъ началъ его исторіи, нравственнаго быта и просвѣщенія. Назначенное служить объяснительною, вводною статьею къ послѣдующему разсмотрѣнію правныхъ обычаевъ и учреждений, это обзорѣніе, само по себѣ, не могло не быть краткимъ: въ немъ представлены не изслѣдованія предмета, а только общіе выводы изъ такихъ изслѣдованій. Тѣмъ не менѣе, надѣемся — мы не упустили при этомъ ни одного важнаго факта изъ заслуживающихъ быть замѣченными. Выноски, сопровождающія наше изложеніе, есть возможно полное извлеченіе и указатель всего, что доселѣ извѣстно о древностяхъ матерьяльнаго и нравственнаго быта балтійскихъ Славянъ.

Остановимся теперь — на нашихъ ближайшихъ источникахъ.

Подробное обзорѣніе и критику источниковъ, относящихся къ исторіи балтійскихъ Славянъ, можно найти въ сочиненіяхъ Люд. Гизебрехта и Виггера⁴. Мы укажемъ только то, что имѣетъ важность для нашей частной задачи и кратко обозначимъ степень этой важности.

„Annales“ и „Vita Caroli Magni“—Эйнгарда [† 840]⁵. Лицо, близкое къ Карлу Великому, Эйнгардъ не могъ не знать его отношеній къ Славянамъ балтійскаго поморья, тѣмъ болѣе, что отношенія эти были не случайны и принадлежали къ дѣламъ Имперіи. Такое обстоятельство довольно ясно опредѣляетъ достоверность показаній франкскаго анналиста; но важность ихъ для насъ не особенно значительна: Эйнгардъ—дѣтописецъ политически государственный, онъ знаетъ и излагаетъ только событія и вообще, завѣдомо — не касается фактовъ внутренняго быта Славянъ. О послѣднихъ приходится заключать изъ самихъ происшествій или изъ полуглухихъ терминовъ его классической рѣчи.

„Res gestae Saxoniae“—Видукинда [чис. около 967—8 г.]⁶. О поэтико-исторической Хроникѣ Видукинда можно сказать тоже, что и о произведеніяхъ Эйнгарда; съ тѣмъ различіемъ, что наблюдая Славянъ среди борьбы и вражды съ Саксами, онъ еще ме-

4. Lud. Giesebrecht: Wendische Geschichten . . t. III, B., 1848, p. 277—398; Wigger: Mecklenburgische Annalen bis zum Jh. 1066, Schwerin 1860, 4°, p. 89 sq.
5. Pertz: Monumenta Germaniae historica, Scr. t. I, p. 124 sq.; II, 426 sq. и въ отдѣльныхъ изданіяхъ in usum scholarum. Vita Caroli M. издана и у Jaffé: Bibliotheca rerum germanicarum, t. IV. 1867. В. p. 619 sq. и отдѣльно.
6. Изданіе Waitz'a у Перца, въ Monum. Germ. hist., Ssc. III, 408 sq. и отдѣльно, 1861.

нѣ имѣлъ возможности отмѣтить такія событія, которыя позволяли бы заключать о порядкахъ славянскаго правнаго быта. Самое важное для насъ — его мѣткія замѣчанія о характерѣ Славянъ о внутреннихъ причинахъ и побужденіяхъ борьбы ихъ съ Саксами [II, 20].

„Chronicon“ — Титмара, епископа Межиборскаго [† 1018]⁷. Какъ бы ни были велики недостатки Титмара въ историческомъ отношеніи, его Хроника имѣетъ для историка славянской культуры очень важное значеніе. По своему положенію, какъ членъ знатнаго рода, владѣвшій обширными помѣстьями въ ^{св}емлѣ Славянъ, какъ епископъ славянской территоріи — Титмаръ былъ въ состояніи многое видѣть и многое слышать отъ стороннихъ очевидцевъ. Нечуждый политической и клерикальной нетерпимости⁸, онъ, однако не простираетъ ее до полнаго пренебреженія къ „язычникамъ“ и передаетъ въ своемъ родѣ единственные черты религіи и быта Лютичей. Многія изъ его показаній оправдываются другими источниками, иныя же — еще нуждаются въ критическомъ объясненіи.

„Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum“ — Адама бременскаго [пис. ок. 1075]⁹. Произведеніе Адама, основанное на многихъ письменныхъ и устныхъ достовѣрныхъ источникахъ, для насъ гораздо болѣе важно въ историко-географическомъ отношеніи, чѣмъ въ юридически-бытовомъ. Правда, бременскій магистръ сообщаетъ очень значительныя замѣтки о религіозныхъ древностяхъ Славянъ, ихъ нравѣ, торговлѣ и отношеніяхъ племенъ между собою; но во внутреннее устройство и порядки жизни ихъ онъ не входитъ. Послѣдніе только кое-гдѣ видѣются изъ-за рассказываемыхъ событій. Кажется, что Адамъ не располагалъ въ этомъ отношеніи достаточными свѣдѣніями; ибо онъ не преминулъ бы воспользоваться ими, какъ то сдѣлалъ въ своемъ образцовомъ изображеніи шведскаго быта [IV, 21—28].

„Vita Ottonis episcopi bambergensis“ — произведеніе монаха Эбона [пис. ок. 1151 г.]¹⁰. Важнѣйшую часть своихъ по-

7. Изданіе Lappenberga у Перца въ Monum. Germ. hist., Ssc. III, 723 sq.

8. „Quamuis de hiis [Лютичахъ] aliquid dicere perhorrescam, tamen... uisam eorum supersticionem inanioremque populi istius executionem, qui sint uel unde huc uenerint, strictim enodabo“.. VI, 16.

9. Изданіе Lappenberga у Перца въ Monum. Germ. hist. Scr. t. VII, p. 267 sq. и отдѣльно, 1846.

10. По указаніямъ Клемпина [Baltische Studien Bd. IX, 1 Heft, Stet. 1842 p. 9—88]. Көрке реставрировалъ памятникъ и издалъ его въ собраніи Перца, Monum. G. H. Scr. t. XII, 746 sq.; рецензія Jaffé въ V t. Biblioth. rerum german. 1869, p. 580 sq. и отдѣльно, Ber. 1869.